

23.01.03. Россия — 2003. 23 янв. — 123

Говорит Толстой!

Николай Домбковский

Сто лет назад граф Лев Николаевич Толстой прочитал в трубу граммофона двадцать восемь изречений. Так думали до сих пор. Но на самом деле текстов было больше. Где же остальные записи?

Не уверяйте, что вы читаете глазами. Любое слово сначала мы проговариваем в уме. И потому так трудно продираться через длиннющие сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с огромным количеством деепричастных и прочих оборотов. Но ведь автор-то знает, почему он пишет именно так. К сему числу принадлежит и великий Лев Толстой. Эх, услышать бы, как он сам себя вслух читал!

Выполнимое задание

Об этом думали и сто лет назад. Во второй день нового, двадцатого века английская компания «Граммфон» открыла в Риге первую в России фабрику граммопластинок. Поначалу, как водится, на рынок потоком хлынули скабрёзные шуточки, анекдоты, шансонетки. Но вскоре серьезные люди задумались: а ведь эту шутовину можно приспособить и для других целей. Прежде всего — просвещать.

Идея родилась в «Обществе деятелей периодической печати». Сия организация возникла с целью поддержать журналистов материально. Увы, и в то время профессия «человека текущего момента», если он не был ангажирован, отнюдь не гарантировала устойчивого дохода. Правление «Общества» регулярно устраивало вечера, лекции, концерты, сборы от которых шли в фонд помощи рыцарям пера. Но денег все равно не хватало.

Тогда-то и решили записать голоса выдаю-

щихся русских писателей. Идея оказалась столь привлекательной, что английский «Граммфон», опасаясь конкурентов — французов Патэ, мгновенно заключил с обществом контракт. За каждую проданную пластинку фирма обещала выплачивать от 25 до 50 копеек. По тем временам — большие деньги!

И лишь одно условие поставила компания. Но оно воистину было камнем преткновения: первая запись — речь Толстого. Дело в том, что накануне граф отказал в аналогичной просьбе аж четырнадцати граммофонным компаниям. Нрав у классика был крут, он никого не желал видеть по таким делам, и потому деятели периодической печати перебрали, наверное, десятка два кандидатур — кого отправить на переговоры в Ясную Поляну?

Остановились на писателе Сергее Семеновиче: только что Толстой написал предисловие к его «Крестьянским рассказам», где прямо-таки обласкал автора. Лев Николаевич принял Сергея Терентьевича, но поначалу долго отнекивался. Ссылаясь в том числе и на цензурный комитет.

Положение спас друг Толстого Владимир Григорьевич Чертков. Со свойственной ему невозмутимостью он за-

метил: «Если раньше граф не отказывался записать свой голос на фонографе Эдисона, то почему отказывать в этом благотворительной общественной организации?» Сраженный таким доводом, писатель согласился.

С четвертой попытки

Но муки еще только начинались. Надо было выбрать, что читать. Можно догадаться о чувствах Ивана Алексеевича Белоусова, пред-

ставителя «Общества». Ему предстояло дать оценку творениям самого Толстого! А выхода не было: цензура — дама серьезная.

В конце концов Лев Николаевич все понял.

— Знаю я эту «цедилку», — проворчал он. — Вот только что у меня вышла книга, она ее дозволит. Ее и прочтем.

Этой книгой был «Круг чтения». На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях, взятых у мыслителей разных стран и разных веков. Составлено Л.Н. Толстым». Из всего текста автор выбрал двадцать восемь изречений. Если взглянуть внимательно, все они отражали этику писателя, его нравственные принципы, неприятие лицемерия и невежества.

Представьте ощущения человека, впервые севшего в студии за микрофон. Дрожь, тик, холодный пот. И сейчас, когда телекоммуникации стали привычнее кастрюли на кухне. А что же сто лет назад?

Граф действительно волновался и вошел в нормальный ритм лишь с четвертой попытки. Зато результат был ошеломляющим. Тексты заняли пять дисков. Два — на русском языке, остальные — на английском, немецком и французском. Уже через неделю после записи рос-

сийские и европейские города покрылись рекламой: «Требуйте во всех магазинах граммофонные пластинки великого писателя Земли Русской графа Льва Николаевича Толстого». И требовали. Тираж пластинок даже по нынешним временам впечатляет — за сто тысяч экземпляров!

Увы, Хронос-разрушитель не сохранил их практически нигде. Хотя, уверен, назидания великого писателя и сегодня кое-кому ох как неплохо было бы послушать.

Ночная «Исповедь»

— Но где же тайна? — спросите вы.

А вот где. Оказывается, секретно даже от близких Лев Николаевич уговорил инженера «Граммфона» Макса Гампе и ночью записал на диск свою знамени-

тую «Исповедь» — философскую автобиографию. Высочайшим повелением она в свое время была запрещена и десятки лет ходила лишь в рукописях — ни государству, ни Церкви не нравится, когда их критикуют.

Об этих пластинках практически ничего не было известно. Лишь один след оставила история. Девяносто один год назад в 22-м номере уникального журнала «Граммфонная жизнь» за 1912 год напечатали мелким шрифтом: «Рижский комитет иностранной цензуры конфисковал присланные из-за границы граммофонные записки с текстом «Исповеди», читанные самим покойным Львом Николаевичем Толстым. Для контроля присылаемых пластинок в комитете установлен специальный аппарат». Вот так-то.

И все же — кто его знает, может, где-то, в каких-то архивах или частной коллекции, хранятся эти диски? Уверен: найдем их — обогатимся. Духовно.

Люди пишут, а время стирает. Все стирает, что может. Но скажи: если слух умирает, разве может и звук умереть? Нет, не должен.

Свое учение о жизни Лев Толстой старался активно пропагандировать в народе